

Борис ЩЕРБАКОВ

ИСЧЕЗНУВШИЙ ХРАМ

«Я решил посетить эти развалины»

«Аблаикитского дворца».

П.А Чихачев

Великолепным архитектурным памятником на востоке Казахстана была небольшая крепость — монастырь Аблаинкит, построенная ойратским тайшой Аблаем в середине 50-х годов XVII века. Находилась она примерно в 50 километрах от Усть-Каменогорска. Уникальный по замыслу и исполнению монастырь в благодатном уголке Калбинских скалистых предгорий был поставлен на зеленотравном возвышении — прилавке. Местность, где стоял храм, с двух сторон огорожена грядами серых гранитных скал, представляющих выходящие далеко в долину речки Сибинки отроги гор Коктау. По этой гряде проходила невысокая, сложенная из подручных камней «крепостная» стена. Окрестные живописные долины с рожицами осины, густыми зарослями черемухи, разных кустарников и сочными долинными лугами, которыми протекают серебристые речки, создают прелестную картину природы этого уголка. Тут же, в оправе каменных гор, сложенных причудливыми скалами, и начинается череда блистающих Сибинских озер. Повсюду на голых склонах гор, довольно круто уходящих к вершинам, стоят, словно разбежавшиеся, одиночные сосны. Темно-зелеными пятнами выделяются на серых наплывах скал подушки ложноказацкого можжевельника... В результате, долина и прилегающие к ней горные склоны создают полную иллюзию фрагмента затерянного земного рая.

Строительство крепости Аблаинкит начато было в 1654 году. Хан Аблай присмотрел этот уголок горных отрогов и решил построить ее как раз на одной из северных ветвей Великого шелкового пути, идущего из России в Китай. Этот путь тянулся от Тобольска через Ямышевские озера, а далее через эту долину в сторону северного берега озера Зайсанг, затем проходил он южными отрогами Южного Алтая, затем вдоль Черного Иртыша и, минуя Южную Монголию, — в Китай. Место было оживленное: часто проходили здесь торговые караваны.

Здесь, на речке Беске (Бешке), вероятно так называлась речка Байча. «В той местности вытекает из скал речка Беска, при которой князь Аблай велел построить два каменных здания и укрепил их стенами, выбрав место между скал и отправив туда мастеров из Китая».

По описаниям путешественников, храм представлен был тремя зданиями, воздвигнутыми на насыпном фундаменте, и со всех сторон обнесен стеной из серого и красного камня.

Центральная, или главная его постройка под черепичной крышей сложена была из белого

кирпича, покрытого зелено-голубой глазурью с орнаментом. В центре храма на пьедестале возвышалась великолепная статуя Будды в окружении еще шестнадцати других статуй меньших размеров. На стенах были изображения в буддийско-ламаистской традиции с иконами...

В другой постройке, у восточных ворот, жили монахи. Они сеяли хлеб, используя бухарский принцип арычного полива. Также содержали скот, изучали священные писания и сами писали книги... У западной стены, примыкающей к скальной гриве, стояла постройка для хозяйственных нужд и кузнечных дел. Г.И. Потанин писал: «Здесь было буддийское капище Аблайкит, во круг обнесенное стеной из дикого камня. За стеной располагались монахи в войлочных юртах». Кстати говоря, горы эти Григорий Потанин называл «Аблайкитские горы»

Впечатления о храме путешественников XVII—XIX веков едины. Храм Аблянкит (Аблайхит) был самым известным историко-архитектурным памятником эпохи. Он, словно забытая кем-то фарфоровая шкатулка с навесными козырьками, характерными для пагод, красовался не более всего лишь двух десятилетий в этом райском уголке.

Ученый Н. Витсен дает тоже короткую справку из описаний русского купца Федора Байкова, который здесь даже некоторое время жил в 1654 году. В этих горах, на реке Беске, Ф. Байков встретил тогда «калмацкого» хана Аблая-тайши (князь), который строил здесь ламаистский храм, впоследствии получивший название Аблянкита. Очевидно, строительство только началось, так как Байков пишет: "... город, а про то неведомо подлинно, каменный ли, или деревянный... а стоит тот город промеж гор каменных". Они подружились и «Федор Исакович провел с Аблаем тайшею пять недель, пять дней». Байков вручил Аблаю царские подарки, в ответ князь отдал ему 50 лошадьми и отпустил его в «китайское царство».

Из описаний узнаем, что в одном из зданий были печи, в них ламы готовили разные лекарства, плавил металл, обжигали глины и с их помощью создавали буддийские фрески. Писали они на березовой коре и досках. Кроме стен, вокруг храма, были колодцы и арыки.

Времена были беспокойными. Мелкие стычки и кровопролитные битвы влияли на жизнь людей: они строили крепостные сооружения, совершенствовали примитивное оружие, учились отливать его из металла, захватывали земли, скот, грабили, пленили побежденных... В эти смутные времена недолгое время лазуритовым цветком в гранитных ладонях скал, сверкая небесными красками, стоял чуждый этой земле храм. Блеск стен и фасадов притягивал помутненный ненавистью взор врагов. И главными из них были войны брата самого хана Аблая. Злоба давила, наполнила гневом сердца их. При виде храма, сжимали они в гневе копья, удерживая хрипящих коней. Дикая злоба не давала покоя... Междоусобица взяла верх. В 1660 году крепость Аблянкит осаждают Цэцэн-хан, родной брат Аблая; в 1671 году пришел Галдан. И вот тогда, опустив поводья боевых коней, войны Галдана ратной силой пошли на штурм крепости и взяли ее. Галдан заставляет Аблая покинуть вообще верховья Иртыша. Во время штурма крепости сгорел только верхний этаж дома, где жили ламы. Однако самого храма победитель не тронул. Покинутая обитель потом осталась на медленное саморазрушение. Бежавший хан Аблай, плененный торговцами, выдал впоследствии себя русским и умер в далеком городе Астрахани.

Однако уже только развалины на месте храма были обнаружены пришедшими русскими солдатами в петровские времена — в 1720 году, когда закладывали Устькаменогорскую крепость. Внутри «городища» находилось "идольское капище" — сам храм и жилища постройки. Сложенные из кирпича стены храма были покрыты голубоватым лепным материалом с изображениями богов-бурханов, Лица их, испускающие изо рта пламя, были выкрашены в синий цвет. В храме было много каменных и глиняных идолов. При храме была великолепная библиотека священ-

ных рукописей, теперь повсюду валялись лишь черные и синие листы бумаги, исписанные золотыми и серебряными красками. Губернатором Гагариным было доставлено несколько рукописей, выполненных золотыми и серебряными буквами на голубоватой и черноватой бумаге, Петру I.

Петр I переслал рукописи для расшифровки и перевода в Париж. Это были первые рукописи на языках, о которых не имели представления ученые Европы. Не справившись с содержанием текстов, французские ученые состряпали поддельный текст. Впоследствии эти письма расшифрованы были по-настоящему уже русскими учеными — Георги и К. Лаксманом. Они имели религиозное содержание. В 1734 году библиотека была уже окончательно расхищена. Другой заинтересовавшийся ими ученый — Соколов нашел лишь скудные остатки рукописей, которые так истлели, что приходили в негодность от малейшего прикосновения. Были найдены здесь также кусочки бересты с письмами, о которых писал Байков, — обломки посуды, черепки, стекла из слюды и многое другое.

Как и буддийская крепость «Семь палат» на Иртыше у Семипалатинска, монастырь оказался, как говорится, — не ко времени и не к месту. Он был оставлен и пришел в полное запустение. Потому уже разрушался, растаскивался без следов былой красоты.

Вот что по этому поводу писал П.А. Чихачев: «Громадное количество строительного материала, добытого здесь русскими и казаками, доказывает, насколько велики были размеры постройки. Не только грубые могильные памятники казахов, которые можно встретить в большом количестве по всей округе, воздвигнуты из камней, взятых на этих развалинах, но и ближайшие казачьи посты постоянно берут здесь камень для своих построек... не проходит ни одного лета, чтобы не перевозились очень большие партии камня или в Усть-Каменогорск, или в одно из его поместий, где он используется как строительный материал».

«Перед поэтическими останками, — писал путешественник, — оживляющими священную землю Греции, Сирии, Италии, Египта и многих других стран, знаменитые памятники которых мы имели счастье лицезреть, где некогда совершалось столько великих и славных дел, эти развалины выглядят просто грудой немых камней».

В наше время со стороны Алгабаса, поселка с каменными дворовыми постройками, видно место бывшего храма. По дороге к нему, пешком одолевая высокотравную долину, пересеченную речками, особенно в майскую пору, когда разливается Сибинка, натыкаешься на роскошь растительного царства: всюду пестрыми высыпками цветет рябчик шахматный. Коричневатые лепестки цветков его забрызганы словно капельками меда. Над заливными лугами беспрестанно токуют блеющие бекасы, по зарослям у речки гремят соловьи и постоянно видны реющие силуэты хищных птиц... Летом же долина покрывается высоченным разнотравьем, укрытым, словно сеткой с бордовыми узелками цветущей кровохлебки. Слышится бой перепелов. В зарослях непролазного ивняка и черемухи беспрестанно раздаются щелк и свист певчих птиц... Храм на этой земле исчез, а «рай» остался.

Теперь на месте бывшего храма сохранилась лишь прямоугольная насыпь — бывший фундамент его. На нем и сейчас валяются разбросанные осколки керамики, покрытой голубоватой глазурью, которой за все это время ничего не сделалось. Остались неподъемные, вырубленные из светлого гранита основы бывших ворот, подобные громадным круглым колесам жерновов.

Несомненно, для храма было подобрано редкое и очень удачное место. Сейчас с западной стороны, на крутой гряде скал видны остатки былой каменной стены. Она уходит вверх по гриве и, охватив петлей возвышения, подходит к скале, видимо, представлявшей тогда наблюдательный пункт. Отсюда хорошо просматривается вся долина речки Талды. И здесь, со стороны до-

лины, все еще сохранились фрагменты стены, выложенной местами, видимо, привозным красным камнем.

Основой слова «талды» является «тал», означающий в переводе либо «бугор», «сопка», либо «тал» — от которого появилось слово «тальник». Пожалуй, в нашем случае более подходяще здесь значение имеет все-таки, слово тал как древесно-кустарниковые заросли, которые тянутся сплошь вдоль речки Талды по всей долине.

На лужайке двора у бывшего храма возвышается похожая на сову с темными провалами глазниц скала. Ее сходства нельзя не заметить даже при мимолетном взгляде. Можно не сомневаться, что древние мастера, украшающие стены своих храмов изображениями экзотических растений и животных, называли этот камень на своем языке тоже «Совой». Всюду по складкам гранитных плит зеленеют подушки вереска, переливаются на летнем ветру султаны цветущих ковылей, топорщатся «грядки» слизи, хохлаток и темно-зеленых, как замша, дикрановых мхов, облепивших скальные ниши.

На верху сопки, внутри мощных плитообразных скал, прячется озеро с виду совершенно «черной» воды. Озерко имеет размеры, примерно 10 на 20 метров. Застоявшаяся вода так темна, что будто и не вода, а листок черного бутылочного стекла. Сверху в нем просматриваются крестовидные розетки листьев водных растений — рдестов. Сюда не заглядывают ветры и даже не всегда лучи солнца доходят до этого гранитного «колодца». В омертвевшей воде, как в черном глазу, отражается тишина и вечный покой уснувшего времени. Озеро рассчитано было, видимо, на случай военной осады, которую и пришлось пережить поселенцам этого храма. И снова о «наблюдательном посту» — месте на краю возвышающейся скалы, удобном для отличного обозрения окрестных долин и гор. Отсюда великолепно просматривается почти вся долина речки Талды и Сибинки, текущих густыми зарослями ивы, осины, тополя и березы. Березы столько, что можно было бы местность назвать и Березовое... Однако остается название Талды, о котором уже сказано.

Более трех веков прошло: время коснулось даже камня — стены обветшали, осыпались изъеденные лишайниками глыбы, «съедаемые» морозами и зноем.

Долина Талды в летнее время просто изумительна! В ее широком и глубоком ложе, среди шаровидных крон ивы просматривается еще след небольшого канала, возможно от бывшей арычной системы. Не случайно это место было выбрано для постройки храма. На его бывшей территории и сейчас стелется мягким ковром бархатисто-зеленый типчак и трава-мурава. Эти травы забвения, идущие следом за человеком, навевают разное — захватывающее прошлым и грустное, связанное с историей этой земли

И куда не посмотришь,— всюду в окружении скал, «обсыпанных» слюдяным блеском, по соседству с зеркалами озер, в вечном согласии слились воедино небо, и горы, и сама вечность... По склонам каменной подковы гор, внутри которой плещется одно из Сибинских озер, остановились идущие кочевники-сосны. Они как воины, идущие на штурм гранитных высот. И кто знает — может быть, в каждой из них поселилась душа когда-то живших или убиенных здесь обитателей храма — лам и монахов, их прислуги. Есть ведь такое поверье — души людские переселяются в деревья. И срубить дерево — значит загубить чью-то душу.

Буддийский храм был не только памятником средневекового зодчества, это был символ труда, высочайшей архитектуры, на который способны были древние на этой земле.

Кругом стозвонная тишина. Время от времени ее нарушают посвисты далеких сурков, чеканье каменок и печальный окрик удонов, похожий на стон или плач.

Есть здесь девять камней на возвышенном месте. Что это? Место захоронений или проводимых здесь каких-то торжеств? Есть место кострищ, место для вертела, где можно зажарить не только тушу барана, но и быка. Бытует предание, что принес эти камни, этак в тонны по полторы, один из батыров. Тайны сами по себе порождают другие тайны, другие загадки. Так и здесь. И несмотря на то, что все уж размыто потоками времени, наслоившимися представлениями, за которыми постепенно мутнеет, угасая во мгле времени. Да, время все изменило. И все, что было с исторической точки зрения ценным — сам храм и его атрибутика, торговый путь, сама истина... Все оказалось разрушенным, совершенно ненужным, забытым... Хотя все еще оставшиеся скудные следы прошлого могут быть использованы в историческом экотуризме нашего края.

